

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Пузырёвой Любови Валерьевны

«Значение и функции частного в романах Ф. М. Достоевского», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. («Русская литература»).

Тезис о том, что у Достоевского не бывает «случайных» слов и деталей, что все бытовые «частности» его текстов функционально, сюжетно и семантически наполнены, а в программируемом автором восприятии с необходимостью приобретают символический характер, в отечественном литературоведении давно стал трюизмом. Но, как и любой трюизм, он давно уже воспринимается вне должной научной рефлексии. Между тем, механизм формирования этой «многослойной» (по выражению автора диссертации, представленной к защите) семантической структуры заслуживает научного изучения не менее, чем любой другой аспект художественного наследия Достоевского.

Диссертация Л. В. Пузыревой привлекает своей направленностью на анализ вещественно-предметного аспекта художественного мира Достоевского. Не секрет, что в современном достоевковедении чрезвычайно распространены труды, тем или иным образом рассматривающие Достоевского на фоне истории философской и религиозной мысли. Эта тенденция вполне имеет право на жизнь, но порой она уводит мысль от специфического — собственно литературоведческого — пути, ведущего прежде всего к тексту и его автору. Поэтому абсолютно точна формулировка Пузыревой: «...внимание к эмпирическому уровню художественного мира Достоевского — путь к постижению глубинной, метафизической семантики текстов» (стр. 4). Справедливо и замечание о «личностной черте» Достоевского, обуславливавшей его пристальное внимание к предметной детали и возможностям ее семантического и символического наполнения (стр. 4).

Все это означает, что тема, выбранная для диссертационного исследования, актуальна и нужна нашей науке. Л. В. Пузырева уходит от накопления конкретных аналитических штудий о художественных деталях повествования Достоевского и пытается (на наш взгляд, успешно) обобщить собранный достоевсковедением материал, синтезировав базовые принципы функционирования таких «частностей» в тексте. Следовательно, речь в диссертации идет о поэтике частного у Достоевского. В связи с формулировкой темы возникает вопрос: почему бы и не говорить именно о «поэтике частного» у Достоевского?

Впрочем, это замечание, скорее, стилистическое, чем терминологическое. В целом диссертация Л. В. Пузыревой отличается бережным и добросовестным отношением к предшествующей научной теоретической и историко-литературной традиции. Порой стремление исследовательницы к полному охвату истории вопроса выглядит чрезмерным и приводит к противоречиям. Так, например, не вполне ясна ее трактовка понятия «мотив». С одной стороны, Л. В. Пузырева вполне резонно включает в методологическую основу своего исследования разработки И. В. Силантьева (стр. 17). В контексте диссертации особое значение приобретают его тезисы об интертекстуальности и вариативности мотива. Однако уже на следующей странице диссертации ее автор декларирует опору на понимание мотива А. Н. Веселовским как «простейшей повествовательной единицы». При этом конкретный анализ в самой диссертации требует именно комплексно-функционального описания в духе Силантьева (что исследовательница вполне успешно демонстрирует), нежели формально-фабульного определения, которое дает Веселовский.

Буквально здесь же Пузырева провоцирует еще одно теоретическое недомоление: «Особым структурным элементом повествования является анекдот» (стр. 18). Анекдот (в обоих значениях термина) действительно может входить в структуру художественного текста, но — как элемент содержания, обладающий определенной законченностью и «внеположностью» к основному повествованию (таков, к примеру, в «Братьях Карамазовых» пересказ анекдотов, случившихся с Федором Павловичем в молодости). Анекдот может быть «реализацией мотива»

(этот термин Л. В. Пузырева использует в предыдущем абзаце), может включать в себя и несколько мотивов, но, по нашему убеждению, не может быть поставлен с одну парадигму с понятием, относящимся к формально-функциональной структуре текста. Этот термин и обозначаемый им элемент структуры текста, конечно, не лишние в диссертации, но его отношения с другими теоретическими понятиями требуют дополнительного пояснения.

Теоретико-методологические «темные места» объясняются, по всей видимости, объемом научной задачи. Как это часто бывает при рефлексии над самоочевидными истинами, при попытке подробно описать функции, сюжетную и символическую семантику частного у Достоевского Л. В. Пузырева пришла к признанию, «что частности как подробности в мотивной структуре прозы Достоевского изучены не достаточно. Их семантика и функции описываются, как правило, фрагментарно и отвлечённо, а тематические группы для исследования выбираются произвольно» (стр. 16). Отсюда и вполне понятное стремление исследовательницы собрать как можно более обширный фундамент, а также найти предшественников на пути обобщений художественных принципов Достоевского.

Именно поэтому Л. В. Пузырева несколько раз на протяжении диссертации подчеркивает значение трудов Т. А. Касаткиной и ее попыток создать методологию, «адекватную художественной интенции Достоевского» (выражение Т. А. Касаткиной, цитируется на стр. 39 диссертации). Т. А. Касаткина действительно стремится обобщать свои наблюдения над текстом в рамках собственной интерпретационной модели. Проблема, однако, в том, что сама эта модель предполагает, на наш взгляд, слишком вольную «экзегезу» Достоевского и зачастую ведет к произвольной интерпретации, весьма далекой и от традиционного восприятия, и от дошедших до нас фиксаций авторской мысли. Кроме того, методология Т. А. Касаткиной, на наш взгляд, с трудом поддается «алгоритмизации» и порой сама требует истолкования и интерпретации.

Последнее качество указанной методологической «опоры» ярко проявляется в первом параграфе («Методологические и теоретические основы изучения частного в творчестве писателя») первой главы диссертации. Крайне странное

впечатление производит помещение в один контекст структурного анализа текста (в варианте Р. Бэлнепа) и терминологической «метафорики» Т. А. Касаткиной («творящая природа слова», слово «закрывающее в себе некую реальность»etc.). Позволим себе заметить, что необходимым свойством *научной* методологии является ее воспроизводимость (хотя бы — в гуманитарных науках — частичная) в рамках другого исследования. Можно ли это свойство увидеть в «методологии», требующей при обращении к ней дополнительного толкования? Должны ли результаты подобных «методологических» размышлений (при всем несомненном интересе, который они могут порой представлять) становиться именно теоретической основой диссертационного исследования? Эти вопросы для нас остаются открытыми, однако, заметим, что уже в конце первой главе Пузырева вынуждена декларировать, что продвигаемая ей иерархическая классификация контекстуальных значений «до некоторой степени расходится» (стр. 63) с тезисом Т. А. Касаткиной о якобы «единственной» реальности, «заклученной» в слове.

Между тем, сама диссертация демонстрирует адекватную поставленной задаче методологическую и методическую схему. Л. В. Пузырева вполне правомерно «сужает» тему до анализа «гастрономической» темы, наиболее подробно прокомментированной с фактической и историко-литературной точек зрения и наиболее богатой контекстуально. В исследовании с достаточной полнотой учтены и разработки смежных наук (прежде всего культурологии и антропологии), что придает анализу историко-культурную достоверность и глубину. Не вызывает возражений и иерархическое деление семантики частных на языковой, бытовой и бытийный уровень.

Следует отметить и широкое использование Л. В. Пузыревой современных методов количественного анализа, изначально лингвистических, но в последнее время все активнее проникающих и в литературоведение. Этот подход приносит весомые плоды. Во-первых, он позволяет подвести эмпирический фундамент под многие интуитивно понятные особенности поэтики Достоевского. Подтверждается, например, формулировка Вяч. Иванова о чае «как симптоме русского медитативного идеализма» (стр. 52), обретает конкретный научный смысл

впечатление об «очевидном преобладании в тематической группе «Еда» лексем подгруппы «Сладкое»» в «Братьях Карамазовых» (стр. 49) и т. д.

Эта же методика дает возможность выявлять новые, не замеченные ранее аспекты художественного текста (см. установленную Пузыревой ассоциацию «телятина — Кириллов» и ее интерпретацию в контексте мотива жертвы (стр. 52-54)). Зачастую автору диссертации удается также скорректировать некоторые устоявшиеся мнение и толкования: так, интерпретация сплошной выборки различных вариаций мотивно-тематической группы «Сладкое» не подтверждает известное мнение Бэлнепа (впрочем, не его одного) о том, что «сладкая пища в романе всегда связана с чувственной жестокостью дьяволизма» (см. стр. 68-69 и дальше).

Вообще анализ этой мотивно-тематической группы в диссертации очень интересен, однако в нем ощущается некоторая недосказанность. В частности, было бы интересно все-таки разграничить «положительные» и «отрицательные» (обозначения, конечно, условны и относительны) случаи появления в тексте «сладких» контекстов. Не связана ли «чувственная жестокость дьяволизма» с семами неумеренности, насилия, искушения и т. д.? Конечно, на интуитивном уровне эта связь очевидна, но было бы интересно проверить ее эмпирически.

Вообще, вся конкретно-аналитическая часть работы производит яркое впечатление. Очень интересен анализ темы поглощения и приготовления пищи в романе «Бесы» (глава 2), описание гастрономических контекстов образа Алеши Карамазова (глава 3). Особенно ценным нам представляется описание отношений мотивов сладости и горечи в главке «Луковка» (стр. 105).

Второй параграф третьей главы несколько менее ярок (в первую очередь, потому, что гастрономический контекст изображения социалистов у Достоевского был замечен уже давно; Л. В. Пузырева, в частности, приводит характерные цитаты из В. В. Розанова). Зато третий параграф третьей главы («Убийство Фёдора Павловича Карамазова в зеркале гастрономических частных») и содержащаяся в нем интерпретация убийства старика Карамазова как жертвоприношения,

совершенного Смердяковым, обладает на наш взгляд, большой эвристической силой.

Конкретный анализ, конечно, является наиболее сильной стороной диссертации Л. В. Пузыревой. С другой стороны, отмеченные нами теоретико-методологические «шероховатости» носят все-таки эпизодический характер и в целом не ставят под сомнение методологию и теоретическую базу исследования. Результаты представленной к защите работы обладают вполне внятным научным смыслом и актуальностью, оставляют впечатление достоверности и новизны и, судя по списку публикаций автора, прошли должную апробацию.

Все это позволяет нам заключить, что исследование Л. В. Пузыревой «Значение и функции частного в романах Ф. М. Достоевского» соответствует требованиям второго раздела Положения ВАК «О присуждении ученых степеней» (п. 9-14), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а автор диссертации заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Официальный оппонент,
канд. филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

С. С. Шаулов

Подпись Шаулова С.С.
Заверяю: ученый секретарь БашГУ
Галия Баширова С.Р.
« 25 » августа 20 15 г.

Шаулов Сергей Сергеевич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и издательского дела ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

450076, Уфа, ул. Свердлова, 42, к. 15.

sschaulov@gmail.com

+7 962 54 54 834